МАЙК ОМЕР

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-57

Mike Omer

DRAGON'S DAUGHTER

© Mike Omer, 2025. The publication
of the book was negotiated through Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency (www.bgs-agency.com)

Омер, Майк.

О-57 Дочь дракона / Майк Омер ; [перевод с английского Е. Олейник]. — Москва : Эксмо, 2027. — 384 с.

ISBN 978-5-04-249005-7

Почти никто не знает, что в Низервилле, городке на Восточном побережье США, существует школа Фарборген. И это место для тех, кого люди веками называли чудовищами. Здесь за соседними партами сидят дриады и гоблины, прячут свою природу драконы и вампиры, а старые легенды оказываются ложью, порождающей у людей страх. Среди башен-деревьев, веревочных лестниц и опасных тайн меня ждет место, где наконец можно перестать притворяться обычной.

Но в Фарборген я привезла с собой не только свое одиночество. За моим именем тянется история, о которой взрослые предпочитают молчать. Пока школа учит нас выживать, где-то рядом уже вовсю идет охота на магических существ, а мое происхождение оказывается связано с давно скрываемой тайной. Фарборген должен был стать для меня убежищем. Вместо этого он становится местом, где мне впервые придется узнать, кто я на самом деле — и почему именно меня так боятся.

Здесь правят магия и тайна. Потому что магия должна скрываться в тайне…

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-249005-7

© Олейник Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Нет дыма без огня...

Все началось с икоты, а это было очень плохой новостью, потому что в последнее время всякий раз, когда я икала, изо рта у меня выходил дым.

Это происходит уже какое-то время, но до сих пор мне удавалось все скрывать, потому что дымная икота, скорее всего, привлекла бы ко мне внимание. А если и было что-то, чего ты точно не хотел в приюте «Любовь и забота», так это привлекать внимание. Там я тогда и жила. И были две вещи, которых я там никогда не видела, не чувствовала и даже не нюхала: Любовь и Заботу.

Впервые заметив свою проблему с дымящейся икотой, я стала особенно тщательно ее прятать. Как только чувствовала, что вот-вот икну, утыкалась лицом в футболку и задерживала дыхание насколько могла, пока икота не проходила. Если это не помогало, я выпивала целый стакан воды. И чаще всего это срабатывало.

Но *эта* конкретная икота случилась, когда мы сидели в общей комнате и смотрели телевизор. Общая комната в нашем доме была местом, где некоторые дети никогда ничем не делились. Ее покрасили в цвет, который когда-то, давным-давно, наверное, был голубым. Но потом пришли плесень и пыль, краска начала обле-

зать, дети разрисовали стены, и все превратилось в самый грустный, самый нездоровый серый, какой только можно представить. Там стоял один диван, на котором сидел кто-то из персонала, и три стула, на которых сидели «Большие», и бугристый ковер, на котором сидели все остальные дети. «Большие» тоже были детьми, просто они были больше остальных — отсюда и имя. И еще они были злее остальных. Если ты садился на один из стульев, они били и пинали тебя, пока ты не слезешь, а потом били еще чуть-чуть, просто чтобы ты запомнил и больше не садился на этот стул. Это были те самые дети, о которых я говорила: те, кто никогда ничем не делился в общей комнате.

Мы сидели на ковре и смотрели реалити-шоу под названием «Цена любви». Я бы предпочла смотреть «Губку Боба Квадратные Штаны», но миссис Миллер, женщина из персонала, и «Большие» хотели смотреть «Цену любви», так что мы смотрели ее. Обычно я следила, чтобы у меня были цветные карандаши и альбом, и использовала это время, чтобы рисовать, но тем утром я забыла их на кровати. Поэтому вместо этого в основном пялилась в окно. Хотя стояло лето, небо было тусклым и серым. Я задумалась: небо особенно серое вокруг нашего дома, или это у нас общее со всем Нью-Йорком?

Икота застала меня врасплох, как это с ней обычно и бывает. Я не успела себя остановить: икнула, и изо рта у меня вырвалась тонкая струйка дыма.

К счастью, почти никто не обратил на это внимания. Все увлеченно смотрели на экран: там какой-то парень пытался заставить женщину полюбить его, купив ей красивую машину. Только Ронда, моя подруга, вытаращилась на меня от удивления.

— Хлоя! — прошептала она. — Что это?

Я молча покачала головой и поспешно уткнулась лицом в футболку. Потом задержала дыхание сколько могла — и…

Ик!

Вторая икота пришла следом, сорвала мне дыхание, и футболка наполнилась дымом. За второй тут же последовала третья — дыма стало еще больше, и я поняла: одной футболки уже не хватит. Дым просачивался сквозь ткань. Дымящаяся футболка привлечет внимания не меньше, чем дымящаяся икота. Я попробовала снова задержать дыхание, но икота все продолжалась…

Ик!

…накатывать.

Ладно. Это уже было чем-то серьезным. Мне нужен был стакан воды, но в общей комнате пить нельзя. Однажды Ронда сказала мне, что, если напугать человека, когда он икает, икота проходит. Только в приюте «Любовь и забота» большинство детей и так постоянно были напуганы, а икали все равно, как и все остальные.

Ик!

Та икота оказалась самой громкой и самой сильной из всех — и вместе с ней вырвался такой клуб дыма, что он окутал меня целиком.

К этому моменту дым уже расползся по всей комнате, и почти все дети вокруг таращились на меня во все глаза. У Ронды глаза были самыми большими. В любом другом месте давно завыла бы пожарная сигнализация, но в «Любви и заботе» таковой не было: управляющий сказал, что это пустая трата денег. Видимо, деньги нужно было беречь на всю эту Любовь и Заботу.

Я поднялась и направилась прямо к двери. Обычно, если тебе нужно в туалет, ты обязан попросить разре-

шения. Но миссис Миллер уставилась в экран так, будто ее к нему приклеили: рот чуть приоткрыт, и она даже не заметила, что я ухожу.

Зато заметила одна из «Больших».

Ее звали Кэти. Длинные светлые волосы, длинные острые ногти. Большинству детей в нашем приюте было одиннадцать или двенадцать, как мне. А Кэти — пятнадцать, она была одной из самых старших. И самой злой — с большим отрывом. Когда я встала, она посмотрела прямо на меня, и уголок ее губ дернулся в крошечной улыбке.

Люди обычно улыбаются, когда им хорошо. Наверное, для Кэти это тоже работало, потому что она всегда улыбалась, когда делала другим детям больно или называла их отвратительными словами. В общем, никто не хотел, чтобы Кэти ему улыбалась. И я зашагала еще быстрее. Едва выбравшись из комнаты, побежала прямо в туалет.

Захлопнув за собой дверь, я метнулась к раковине. Еще одна икота дернула меня всем телом, и ванную заполнило облако дыма. Я включила воду и стала пить прямо из-под крана, глотая все больше и больше. Не знаю, почему вода помогает от икоты. Может, икота просто не умеет плавать… Как бы то ни было, после того как я выпила столько, что ощущалось как целый бассейн, икота наконец прекратилась.

Я умылась и выпрямилась, уставившись на отражение в сколотом зеркале над грязной раковиной.

Мне было одиннадцать лет и девять месяцев, но для своего возраста я была чуть низковата, так что в зеркале видела только верхнюю половину лица.

Мои рыжеватые, волнистые волосы, как всегда, лежали в беспорядке. Я отращивала их длинными в ос-

новном потому, что не хотела выяснять, кто стрижет тебя в приюте «Любовь и забота». Сейчас они уже были ниже плеч. Мое веснушчатое лицо покраснело — наверное, от усилий, с которыми я пыталась сдержать икоту.

Кто-то однажды сказал мне, что, если слишком много икать, глаза могут выскочить наружу, но я почти уверена, что он просто надо мной издевался. Как бы то ни было, оба моих зеленых глаза были на месте там, где им и положено быть.

Я постаралась пригладить волосы пальцами, потом вышла из туалета и пошла обратно к общей комнате.

Сзади кто-то ухватил меня за воротник. Я машинально рванулась и услышала треск: ткань порвалась. Воротник стянулся у меня на горле и дернулся назад. Я забилась, пытаясь вырваться из хватки. Наконец мне удалось выдернуть футболку, и я резко развернулась к тому, кто меня схватил.

Это была Кэти. И ее подруга Бет. Она была абсурдно огромной: возвышалась над всеми детьми в доме и даже над некоторыми взрослыми из персонала. Про нее говорили, что у нее «нюх на сладкое»: стоило кому-нибудь достать перекус, как Бет тут же появлялась и отбирала его.

— Откуда это ты идешь, Хлоя? — спросила Кэти.

— Да, Хлоя, откуда ты идешь? — эхом повторила Бет.

— Из туалета, — выпалила я.

— Правда? — Кэти улыбнулась мне. — И что же ты там делала?

— Ничего, — ответила я. Единственный правильный ответ на вопрос «Что ты делала?».

Кэти бросила взгляд на свою подругу:

— Знаешь, что я думаю, Бет? Я думаю, у Хлои есть контрабанда, и она хочет спрятать ее от нас.

Я моргнула. Контрабандой в приюте «Любовь и забота» считалось все, что детям иметь было нельзя, а это список почти всех вещей на свете. Телефоны — контрабанда. Конфеты — контрабанда. Ножницы — контрабанда. Газировка — контрабанда. Наклейки — контрабанда. Косметика — контрабанда. Жвачка — контрабанда. Наличные — контрабанда. И…

Если б я начала перечислять все, что считалось контрабандой, на это ушел бы целый день, и половину я все равно, наверное, забыла бы.

— У меня нет контрабанды, — сказала я. И это была правда: при мне ничего не было.

— Я видела тебя в общей комнате, — сказала Кэти. — Ты курила. У тебя есть сигареты.

Ну вот, прекрасно. Она увидела дым, который выходил у меня при икоте, и решила, что я курю *сигареты*.

Я фыркнула:

— С чего бы мне курить сигареты? Сигареты курят только идиоты. От них бывает рак, и изо рта потом пахнет прокисшим молоком.

Улыбка исчезла с лица Кэти. Тут я вспомнила, что пару раз видела, как она курит на территории приюта. Пожалуй, назвать ее идиоткой в тот день было не самым удачным решением. Бет хрустнула костяшками пальцев — тоже не самый хороший знак.

— Отдай сигареты, Хлоя, — прорычала Кэти.

— У меня нет сигарет. — Я шагнула назад.

— Она говорит, у нее нет сигарет, Бет, — передразнила Кэти моим голосом.

Бет расхохоталась. Смех у нее был гулкий, раскатистый; он отдавался эхом по коридору, и от него

все вокруг будто дрожало, как от маленького землетрясения.

— А может, вместо этого заберем ее цепочку? — злобно прошептала Кэти.

Я тут же схватилась за кулон. Раньше он принадлежал моей маме. Она умерла, когда мне было пять, и это была единственная вещь, которая у меня от нее осталась. Обычно я прятала кулон под футболку, и никто его не видел. Но когда меня схватили за воротник, он выскочил наружу, и теперь его было отлично видно.

— Только попробуй, — сказала я, стиснув зубы.

— А знаешь что? Думаю, мы заберем и сигареты, и дешевую цепочку. Просто за то, что огрызаешься. — Кэти покосилась на Бет. — Забери у нее все.

Бет шагнула вперед.

Может, они ожидали, что я побегу. Или закричу. Или расплачусь. Ничего такого я не сделала.

Я рванулась прямо на Бет. Как я уже говорила, Бет была огромная, вдвое больше меня. И меня это вполне устраивало, потому что, когда я врезалась в нее, моя голова с размаху ушла ей прямо в живот. Ощущение было странное, как будто я уткнулась в неприятную, дряблую подушку.

— У-у-уф, — простонала Бет, повалилась назад и шлепнулась на пол. Клянусь, весь коридор вздрогнул.

Я не стала ждать, что будет дальше. Развернулась и дала деру.

Иногда, когда кому-то из персонала казалось, что мы недостаточно двигаемся, нас выводили во двор приюта и заставляли бегать наперегонки. И знаете что? Я обожала бегать. Когда я бежала, мне иногда казалось, будто мои ноги летят над землей. Почти казалось, что мне

вообще никогда не придется останавливаться, я буду бежать и бежать — и обегу весь мир.

Ронда однажды заметила, что обежать весь мир бегом невозможно: я просто утону, когда доберусь до океана. Но ощущалось это именно так. И вообще-то главное было в другом: я могла бежать быстрее и дольше, чем кто угодно в нашем приюте.

Так что теперь я все дальше отрывалась от Бет и Кэти и знала, что им меня не догнать. Можно было где-нибудь спрятаться и переждать, пока они про меня забудут. Я добежала до пустой столовой и пронеслась мимо одного мальчишки помладше, который стоял один и смотрел на меня с открытым ртом. Добежав до конца столовой, оглянулась. Бет и Кэти были на другом конце обеденного зала. Кэти смотрела прямо на меня: глаза у нее сузились от ярости.

Но взгляд Бет был прикован к мальчику.

В руке у него была шоколадка. Может, он только что получил ее от кого-то из посетителей. Он сжимал ее так, будто это сокровище, и в приюте «Любовь и забота» так оно и было. Шоколад нам никогда не давали. Даже на Пасху вместо шоколадных зайцев мы получали картофельных зайцев; говорили, что так дешевле и, наверное, полезнее.

Бет уставилась на шоколад. Ноздри у нее дрогнули — она учуяла его запах. Я уже знала, что будет дальше. Она подойдет, ударит мальчика и отнимет шоколад.

Разумнее всего было бы убежать. Я почти не знала этого мальчика, и в конце концов это всего лишь шоколадка…

Может, если Бет и Кэти заполучат шоколад, они успокоятся и забудут обо мне…

Но мальчик был такой маленький, наверное, всего шести или семи лет. Он выглядел таким испуганным… И сжимал эту шоколадку так, будто это самое важное на свете. Я не могла позволить им так поступить. Просто не могла.

— Эй, Бет! Кэти! — крикнула я.

Ладно, прежде чем продолжить, мне нужно кое-что сказать. Есть слова, которые взрослые называют «плохими» или «ругательствами». Я не так уж часто их употребляла и почти никогда не ругалась кому-то прямо в лицо. Дети говорят: «Палки и камни могут сломать мне кости, а слова мне не навредят», но это неправда. Слова могут ранить очень больно. Меня называли по-всякому, и почти всегда это было больно. Отдавалось болью в горле, в груди, в животе. Поэтому я не ругаюсь на других. Если только это не чрезвычайная ситуация.

А это была самая настоящая чрезвычайная ситуация. Так что я собиралась выругаться. И готова поспорить, вы тоже знаете хорошие ругательства, а уж в приюте мы таких наслушались немало. Но я не хочу, чтобы кто-то учил от меня новые ругательства.

Поэтому сейчас я расскажу этот кусок истории, но заменю ругательства, которые тогда сказала, названиями овощей. А вы у себя в голове можете подставить вместо этих овощей любые отличные ругательства, какие знаете.

— Эй, Бет! Кэти! — крикнула я. — Эй вы, морковки! Вы, две репы! Я здесь, брюссельская капуста! Эй, Бет, у тебя лицо как редиска, а нос как брокколи!

Обе уставились на меня исподлобья; ясно было, что они в бешенстве. И тогда я сказала самое страшное слово, какое знала:

— Вам меня не догнать, *цветные капусты*.

Это сработало. Про мальчика и его шоколад они тут же забыли. Бет взревела и бросилась за мной, Кэти — по пятам. Теперь они уж точно обо мне не забудут. Они бы весь приют по кирпичику разнесли, лишь бы найти меня, а потом избили бы. Я снова побежала.

План был такой: добраться до заднего выхода и через него выскочить на территорию приюта. А там можно убежать далеко-далеко. Может, вообще бежать и не останавливаться, никогда не оглядываться назад. Чем больше я об этом думала, тем лучше это звучало у меня в голове. Я бы скучала по Ронде, но, кроме нее, в «Любови и заботе» не было ничего, что мне хотелось бы когда-нибудь увидеть снова. От одной этой мысли у меня даже поднялось настроение, и это при том, что за мной гнались две девчонки с убийственными намерениями.

Однако задний выход оказался закрыт и заперт, и моя прекрасная фантазия о побеге умерла прямо на месте.

Я продолжала бежать, но тот коридор заканчивался тупиком. Очень подходящее слово для той минуты, потому что, похоже, мне и самой сейчас конец. Я юркнула в кладовку и с грохотом захлопнула за собой дверь. В комнате стояли сломанные кровати, стулья и парты, и я стала подталкивать их к двери, заваливая вход, чтобы его нельзя было открыть.

Ручка повернулась. Дверь содрогнулась, упершись в груду мебели.

— Мы тебя убьем, Хлоя! — завизжала Кэти из-за двери.

Бежать было некуда. И всех столов и стульев, которые я навалила у двери, оказалось недостаточно. Дверь с громким скрежетом подалась.

Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит из груди. На глазах выступили слезы. И тут я сделала самую странную вещь на свете.

И еще довольно мерзкую.

Я рыгнула.

У нас в приюте был мальчишка, который умел отрыгнуть весь алфавит от А до Я — жутко противно, но очень смешно. И меня всегда поражало, как долго у него это получалось.

Но моя отрыжка в тот момент заставила бы его сгореть со стыда. Она длилась целую вечность: бесконечное урчание и бульканье. Да, это было ровно настолько мерзко, как звучит.

И пока я рыгала, изо рта у меня валил дым густыми клубами, медленно заполнявшими комнату.

Наконец дверь распахнулась, мебель, которую я навалила, с грохотом разлетелась в стороны, но к этому времени вся кладовка уже была забита густым дымом. Я ничего не видела. Бет и Кэти кричали и кашляли; я слышала, как они, спотыкаясь, шарят по комнате в поисках меня. Я притихла, а когда услышала, что они отошли дальше от двери, быстро метнулась к ней и выскользнула наружу.

Оглянувшись, я увидела, как из распахнутой двери валит дым. Изнутри все еще доносились кашель и крики Бет и Кэти. Я так увлеклась, оглядываясь через плечо, что на полном ходу врезалась прямо в миссис Миллер.

— Какого черта здесь происходит?! — закричала она, уставившись на открытую дверь и клубы дыма.

Ответа у меня не было. Я бы и дальше побежала, но она схватила меня за запястье.

И тут из комнаты, шатаясь, выбралась Кэти: все лицо в саже, одежда грязная, волосы растрепаны. Следом

появилась Бет, отплевываясь и кашляя, и выглядела она ничуть не лучше.

Миссис Миллер закричала на них, пытаясь понять, что случилось. А они, задыхаясь между приступами кашля, свалили все на меня: сказали, что это я каким-то образом устроила дым, что тот шел от меня.

— Не говорите ерунды, — отрезала миссис Миллер. — Из девочек дым не идет.

— Ага, вообще-то вы сами звучите как-то нелепо, — сказала я. — И как, по-вашему, я все это устроила?

И ровно в этот момент я снова икнула.

И из моих губ вырвалось облачко дыма.

Начало формыКонец формы

Медсестра

Когда детям в приюте «Любовь и забота» становилось плохо, или у них болел зуб, или начинался кашель, их отправляли к медсестре.

Погодите, нет, это прозвучало не совсем правильно.

Их отправляли к МЕДСЕСТРЕ.

Никто не хотел, чтобы его отправляли к Медсестре. Кэти и Бет обычно не боялись вообще ничего, но даже они бледнели, когда им приходилось идти к Медсестре.

Я живу в приюте «Любовь и забота» уже чуть больше двух лет, и за все это время мне каким-то образом удавалось не попадать к Медсестре. Гриппом я болела дважды, и оба раза просто пряталась, пока не выздоравливала, а Ронда тайком приносила мне кружки чуть теплого чая. У меня вообще была плохая история с врачами (о ней я расскажу позже), и встречать-

ся с печально знаменитой Медсестрой мне совсем не хотелось.

По-настоящему ее звали мисс Геката Грейвз. Она была самой высокой сотрудницей в приюте и костляво-худой. Кожа у нее была белая, как бумага. По местной легенде, она стала медсестрой только потому, что это единственная работа, где можно на законных основаниях тыкать в детей острыми предметами. Дверь в ее кабинет всегда была закрыта, а изнутри доносился странный скрежет. Потому что игла для шприцев у нее была всего одна, и это был звук, с которым она ее затачивала. Она говорила, что покупать новые — пустая трата денег: эту иглу она получила двадцать семь лет назад, и та до сих пор прекрасно работает.

Оказалось, если ребенок икает и изо рта у него идет дым, его тоже отправляют к Медсестре.

Так я и оказалась в ее кабинете.

Кабинет мисс Гекаты был заставлен полками с банками, бинтами и прочими вещами, которые и ожидаешь увидеть в кабинете медсестры. Но там были и другие приспособления: большая пила, паяльная лампа, железные щипцы и еще какие-то предметы, названий которых я даже не знала. Я не могла представить, что она делает всеми этими инструментами, кроме щипцов. Все знали, что она делает щипцами. Я не хочу об этом говорить. Серьезно.

Стул, на котором я сидела, был большой, деревянный. И, как ни странно, на обоих подлокотниках у него были ремни, свободно свисающие вниз. Я не знала, зачем они нужны, и очень надеялась, что не узнаю.

— Ну что ж, — сказала мисс Геката, нависая надо мной. Голос у нее был такой, будто ногтями скребут по